

© 2020. П.Е. Фокин

Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, Москва, Россия

Последняя газета, прочитанная Ф.М. Достоевским (На материале фондов Государственного музея истории русской литературы имени В.И. Даля)

© 2020. Pavel E. Fokin

Vladimir I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Moscow, Russia

The Last Newspaper Fyodor Dostoevsky Read (Based on the Collections of Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature)

Информация об авторе: Павел Евгеньевич Фокин, кандидат филологических наук, заведующий отделом «Музей-квартира Ф.М. Достоевского», Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, Трубниковский пер, д. 17, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-4958-859X>.

E-mail: pfokin@mail.ru

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90018 («Неизвестные и малоизвестные источники в биографии Ф.М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля»).

Аннотация: В течение всей жизни Ф.М. Достоевского чтение газет было одним из важнейших источников его вдохновения. В газетах Достоевский черпал актуальный фактический материал, отражавший как характерные явления российской действительности пореформенного периода, так и самые невероятные «приключения» заблудившейся человеческой души и сердца. Ежедневное знакомство с последними известиями из русской и мировой жизни представляло для Ф.М. Достоевского существенную необходимость. Даже находясь за

границей, он регулярно посещал библиотеки, в которые поступали свежие русские газеты. Журнализм был присущ его типу мышления и личности. Он начинал свою литературную карьеру как газетный фельетонист, в 1873–1874 был редактором еженедельника «Гражданин», его моножурнал «Дневник писателя» 1876–1877 гг. был ориентирован на русскую и европейскую периодику. В 1881 году, завершив работу над романом «Братья Карамазовы», Ф.М. Достоевский решил вновь возобновить издание «Дневника писателя». Он успел подготовить один его выпуск, который вышел из печати в день его похорон. В рукописном фонде Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля в коллекции, собранной А.Г. Достоевской, хранится мемориальный экземпляр последней, прочитанной Ф.М. Достоевским накануне его предсмертного заболевания, газеты «Новое время» № 1764 от 25 января (6 февраля) 1881 года. Газета представляет собой ценный биографический материал и позволяет добавить дополнительные штрихи к картине интеллектуальной жизни Ф.М. Достоевского его последних земных дней. В статье даётся обзор материалов газеты в контексте духовных, политических и эстетических интересов Ф.М. Достоевского и, в частности, в свете содержания первого выпуска «Дневника писателя» за 1881 год и подготовительных материалов к нему.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, биография, журнализм, «Новое время», «Дневник писателя».

Для цитирования: Фокин П.Е. Последняя газета, прочитанная Ф.М. Достоевским (На материале фондов Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4(12). С. 197–218.

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-197-218>

Information about the author: Pavel E. Fokin, Ph.D. in Philology, Head of the Department “Fyodor Dostoevsky’s Memorial Apartment”, Vladimir I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature, 17 Trubnikovskiy Lane, Bld. 1, 121069, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-4958-859X>.

E-mail: pfokin@mail.ru

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18–012–90018.

Abstract: Throughout Dostoevsky’s life, reading newspapers was one of the most important sources of his inspiration. Reading newspapers, Dostoevsky drew on real factual material that reflected both the characteristic phenomena of the post-reform Russian reality and the most incredible “adventures” of lost human souls and hearts. Daily acquaintance with the latest news from Russian and world life was an essential necessity for Dostoevsky. Even while abroad, he regularly visited libraries to read the most recent Russian newspapers. Journalism was inherent in his type of thinking and personality. He began his literary career as a newspaper feuilletonist; in 1873–1874, he edited the *Grazhdanin* (*The Citizen*) weekly; in 1876–1877, his monojournal *A Writer’s Diary* was focused on Russian and European periodicals. In 1881, having completed his novel *The Brothers Karamazov*, Dostoevsky decided to resume the publication of *A Writer’s Diary*. He prepared only one issue which came out on the day of his funeral. The manuscript collection of the Vladimir Dahl State Museum

of the History of Russian Literature contains Anna Dostoevskaya's collection that includes a memorial copy of the last newspaper read by Dostoevsky on the eve of his fatal illness, the *Novoe Vremya* (*The New Time*) newspaper, No. 1764 dated January 25 (February 6) 1881. This item is a valuable biographical material and allows one to put additional touches on the picture of Dostoevsky's intellectual life of his last days. The article provides an overview of the newspaper's contents contextualized within Dostoevsky's spiritual, political, and aesthetic interests and particularly within the articles included in the first issue of *The Diary of a Writer* for 1881 and the preparatory materials for it.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, biography, journalism, *Novoye Vremya* (*The New Time*), *A Writer's Diary*.

For citation: Fokin, P.E. "The Last Newspaper Fyodor Dostoevsky Read (Based on the Collections of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature)". *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (12), 2020, pp. 197-218. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-197-218>

В течение всей жизни Ф.М. Достоевского чтение газет было одним из важнейших источников его вдохновения. Хорошо изучен вопрос о роли судебных отчётов по делу Герасима Чистова, публиковавшихся на страницах газет «Московские ведомости» и «Голос» в 1865 году, в истории создания романа «Преступления и наказание» [Коган, 2013]. Не менее важную роль сыграли газетные материалы и в работе Достоевского над романом «Бесы». Многочисленные ссылки на газетные публикации встречаются в текстах романов «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы».

В газетах Достоевский черпал актуальный фактический материал, отражавший как характерные явления российской действительности пореформенного периода, так и самые невероятные «приключения» заблудившейся человеческой души и сердца. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский напишет об этом качестве газетного материала так:

Всегда говорят, что действительность скучна, однообразна; чтобы развлечь себя, прибегают к искусству, к фантазии, читают романы. Для меня, напротив: что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности? Что может быть даже невероятнее иногда действительности? Никогда романисту не представить таких невозможностей, как те, которые действительность представляет нам каждый день тысячами, в виде самых обыкновенных вещей. Иного даже

вовсе и не выдумать никакой фантазии. И какое преимущество над романом! Попробуйте, сочините в романе эпизод, хоть с присяжным поверенным Куперником, выдумайте его сами, и критик в следующее же воскресенье, в фельетоне, докажет вам ясно и непобедимо, что вы бредите и что в действительности этого никогда не бывает и, главное, никогда и не может случиться, потому-то и потому-то. Кончится тем, что вы сами со стыдом согласитесь. Но вот вам приносят «Голос», и вдруг в нем вы читаете весь эпизод об нашем стрелке и – и что же: сначала вы читаете с удивлением, с ужасным удивлением, даже так, что, пока читаете, вы ничему не верите; но чуть вы прочитали до последней точки, вы откладываете газету и вдруг, сами не зная почему, разом говорите себе: «Да, всё это непременно так и должно было случиться». А иной так даже прибавит: «Я это предчувствовал». Почему такая разница в впечатлениях от романа и от газеты – не знаю, но такова уж привилегия действительности [Достоевский, 1972-1990, т. 22, с. 91-92].

Ежедневное знакомство с последними известиями из русской и мировой жизни представляло для Достоевского насущную необходимость. Даже находясь за границей, он регулярно посещал библиотеки, в которые поступали свежие русские газеты. А.Г. Достоевская, описывая образ их повседневной жизни в Женеве в 1867 году, рассказывает:

В три часа отправлялись в ресторан обедать, после чего я шла отдыхать, а муж, проводив меня до дому, заходил в кафе на rue du Mont-Blanc, где получались русские газеты, и часа два проводил за чтением «Голоса», «Московских» и «Петербургских ведомостей». Прочитывал и иностранные газеты [Достоевская, 1987, с. 187].

Так же будет потом и в Италии. Примечательно, что среди аргументов в пользу переезда из Милана во Флоренцию, помимо климата, будет присутствовать и возможность регулярно следить за русской прессой:

Осень 1868 года в Милане была дождливая и холодная, и делать большие прогулки (что так любил мой муж) было невозможно. В тамошних читальнях не имелось русских газет и книг, и Фёдор Михайлович очень скучал, оставаясь без газетных известий с родины. Вследствие этого, прожив два месяца в Милане, мы решили переее-

хоть на зиму во Флоренцию. <...> Во Флоренции, к нашей большой радости, нашлась отличная библиотека и читальня с двумя русскими газетами, и мой муж ежедневно заходил туда почитать после обеда [Достоевская, 1987, с. 205, 206].

Ко времени переезда в Флоренцию Достоевский уже измучился без русских газет. С отчаянием писал он А.Н. Майкову 11 (23) декабря 1868: «Вот уже с мая месяца не читал ни одной русской газеты! Получаю только один “Русский вестник”, и день получения книжки – целый праздник» [Достоевский, 1972–1990, т. 28., с. 327].

Рассказывая о жизни в Дрездене в 1869–1870 гг. Достоевская не забывает отметить: «В Дрездене мы нашли прекрасную читальню со многими русскими и иностранными газетами» [Достоевская, 1987, с. 210].

Газеты постоянно читают и герои Достоевского – Раскольников, Свидригайлов, Порфирий Петрович, Мышкин, Лебедев, Настасья Филипповна, генерал Иволгин, Версилов, Аркадий Долгорукий, Иван Карамазов и многие другие. Не только читают, но и пишут в газеты статьи и корреспонденции: теория Раскольникова впервые увидела свет именно в качестве газетной статьи, Келлер и Бурдовский публикуют в газете пасквиль на князя Мышкина, Иван Карамазов привлёк к себе внимание статьёй о церковном суде, Ракитин публикует в столичных газетах отчёты о судебном процесс над Дмитрием Карамазовым. Газета является неотъемлемой частью романного мира Достоевского.

Журнализм был присущ его типу мышления и личности. Как справедливо заметил В.Н. Захаров: «Лично для Достоевского журналистика была миссией» [Захаров, 2013, с. 21]. Н.Н. Страхов, близко знавший Достоевского и имевший возможность наблюдать его творческий процесс, утверждал:

Для него главное было подействовать на читателей, заявить свою мысль, произвести впечатление в известную сторону. Важно было не самое произведение, а минута и впечатление, хотя бы и неполное. В этом смысле он был вполне журналист и отступник теории чистого искусства [Страхов, 1990, с. 414-415].

В.А. Викторovich обратил внимание на «чересполосицу» художественных и публицистических текстов в творческой биографии Достоевского, на «волнообразную линию творчества писателя

и публициста» [Викторович, 2013, с. 131]. Достоевский начинал свою литературную карьеру как газетный фельетонист «Петербургской летописи». В 1867 году, планируя скорее вернуться из Европы в Петербург, он думал об издании собственной газеты («<...> непременно хочу издавать, возвратясь, нечто вроде газеты» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₂, с. 224]). В 1873–1874 годах исполнял должность редактора еженедельника «Гражданин», в котором регулярно помещал статьи собственного сочинения. Его «моножурнал» «Дневник писателя» 1876–1877 гг. был ориентирован на русскую и европейскую периодику. В 1881 году, завершив работу над романом «Братья Карамазовы», Достоевский решил вновь возобновить издание «Дневника писателя». Он успел подготовить один его выпуск, который вышел из печати в день его похорон. А накануне смерти, 28 января, он просил жену прочитать, что пишут о его болезни петербургские газеты.

В рукописном фонде Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля в коллекции, собранной А.Г. Достоевской, хранится мемориальный экземпляр газеты «Новое время» № 1764 (первое издание) от 25 января (6 февраля) 1881 года, по верхнему полю которого рукою Анны Григорьевны сделана надпись: «Последний № Нового Времени, прочитанный Фёдором Михайловичем накануне его болезни»¹. Мемория представляет собой ценный биографический материал и позволяет добавить дополнительные штрихи к картине интеллектуальной жизни Достоевского его последних земных дней.

Как известно, начало 1881 года было отмечено радостью по случаю выхода отдельного издания романа «Братья Карамазовы» и началом работы над возобновлённым «Дневником писателя».

Первую половину января Федор Михайлович чувствовал себя превосходно, – вспоминала Достоевская, – бывал у знакомых и даже согласился участвовать в домашнем спектакле, который предполагали устроить у графини С.А. Толстой в начале следующего месяца. <...> Припадки эпилепсии уже три месяца не мучили его, и его бодрый, оживленный вид давал всем нам надежду, что зима пройдет благополучно [Достоевская, 1987, с. 392].

¹ ГМИРЛИ. РОФ. Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 20

Достоевский был полон творческих и жизненных планов, намеревался купить к лету имение в Подмоскowie, да и ближайшие дни были у него расписаны разными делами и встречами. В частности, 29 января, в очередную годовщину гибели Пушкина, он собирался читать стихи любимого поэта на литературном вечере в пользу студентов. Ничто не предвещало обострения его многолетней болезни и скорого летального исхода.

Благодаря записям Анны Григорьевны хронику последних дней Достоевского мы знаем буквально по часам. Есть в ней и отчёт о том, как прошёл день 25 января. Это было воскресенье. Накануне Достоевский отправил в типографию рукопись январского «Дневника» и мог немного передохнуть. Но он не переставал думать о новых планах и замыслах. В записной книжке Достоевской читаем:

Воскресенье, только что встал, как пришёл Майков, говорили об окончании Дневн<ика>, о февральском Дневн<ике>, что хочет писать. О собрании, бывшем у Грота по поводу того, куда девать остаток от Пушк<инского> памятника. Пришёл Орест Миллер, пришла Катерина Ип<п>олитовна (Сниткина, жена двоюродного брата А.Г. Достоевской, М.Н. Сниткина. – П.Ф.). Затем разговор о перемене программы и о том, чтоб ему не читать Онегина, которого прочтёт вместо него Герард с <Лауниц>. Фёд<ор>Мих<айлович> был недоволен, почти обижен, но затем мы стали его уговаривать, чтоб он выбрал другое, и он мало-помалу согласился. <...>

Ушёл Майков, Фёд<ора><Михайловича> вызвала я проститься с Катер<иной>Ип<п>ол<итовой>. Та ему сказала, что он будто сердитый. Он очень удивился и сказал ей: вот лучше не жить с людьми; тут Бог знает, как занят человек, ему тяжело и грустно, и люди тотчас придумают, что он сердится. Да ведь я пошутила, ответила ему К<атерина> И<пполитовна>. Затем пошёл гулять до обеда, именно поехал в типографию отдать последний листок Дневника, прося завтра же прислать корректуру. Воротился в 1/2 7-го, мы в это время сходили на полчаса к Кашпиревой и воротясь сели обедать. За обедом всё время говорили о Пиквикс<ком> клубе, вспоминали все подробности, рассказывали ему, а затем я спросила, кто же был этот актер. Мистер Джингль, сказал Фёд<ор>Мих<айлович>. После обеда пошёл пить свой кофей, а затем сел писать своё письмо к Каткову, а написав, позвал меня и прочёл его мне. Между прочим, он упомянул, что, может быть, это его последняя просьба, я на это со

смехом сказала, что вот будешь писать опять Карамазовых, опять будем просить вперёд. Вечер ходил гулять <...> [Достоевская, 1993, с. 280].

Достоевская ничего не пишет о чтении в этот день газет. Возможно, потому что это было вполне обыденным, не требующим отдельной оговорки, занятием: Достоевский, как вспоминает М.А. Александров, в последние годы жизни имел обыкновение просматривать газеты по утрам за чаем [Александров, 1990, с. 284]. Но, может быть, ранний визит Майкова, а вслед за ним Миллера на этот раз помешали Достоевскому, и он отложил чтение газет до следующего дня, потому что про утро 26 января, уже после того, как ночью у Достоевского произошло горловое кровотечение, Анна Григорьевна рассказывает: «Фёдор Михайлович был совершенно спокоен, говорил и шутил с детьми и принялся читать “Новое время”» [Достоевская, 1987, с. 392]. Должно быть, эта подробность зафиксировалась в памяти Достоевской, писавшей свои воспоминания много лет спустя, благодаря именно мемории, которую она сохранила как драгоценную святыню для созданного ею «Музея памяти Ф.М. Достоевского».

В известной степени то, что выпуск «Нового времени» от 25 января 1881 года стал последним чтением Достоевского, – случайность. Но сегодня мы невольно прочитываем его в свете обратной перспективы, проецируя на всю жизнь и творчество Достоевского, и оказывается, что в этом контексте, он обретает более глубокое звучание и даже некоторый символизм. Естественно, сам Достоевский так не воспринимал этот выпуск, так как всё же не собрался ещё умирать, хотя и был готов к смерти в любую минуту.

Но если выпуск от 25 января «Нового времени» в качестве последнего чтения Достоевского случаен, то само по себе чтение именно «Нового времени» вполне закономерно. Достоевский был многолетним подписчиком этой газеты, к которой особенно пристрастился после того, как в 1876 году её возглавил А.С. Суворин и она зарекомендовала себя надёжным и оперативным источником информации. Особенно симпатично было Достоевскому патриотическое чувство, с которым в газете освещались события русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

В подготовительных материалах к «Дневнику писателя» 1876–1877 годов, как и в самом «Дневнике», ссылки на материалы

«Нового времени» соседствуют с указаниями и на другие газеты – «Голос», «Петербургский листок», «Биржевые ведомости», «Дело», «Московские ведомости». В подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за 1881 год присутствуют ссылки исключительно только на публикации «Нового времени». Часто сочувственные, но не редко и полемические. Газета Суворина к этому времени становится одним из главных медийных «собеседников» Достоевского. Анализ его заметок показывает, что писатель с интересом прочитывал все рубрики: новостные телеграммы, фельетон, биржевые сводки, культурную хронику. Наверняка читал и объявления, особенно частного характера: вспомним, как профессионально рассуждает о жанре объявления Версилов или как угадывает по объявлению характер Кроткой её будущий муж.

Что же мог прочитать Достоевский в любимой газете в последний раз? Что в ней было для него личного, а для нас – символического?

Содержание № 1764 следующее (как оно представлено на первой полосе):

Стр. 1. Объявления.

Ежедневное обозрение.

Временно-обязанные.

22-е января 1868 года и 22-е января 1881 г.

Два слова «Порядку».

Стр. 2. Телеграммы: корреспондентов «Нового Времени» и «Международного Телеграфного Агентства»

Вечерние известия

Внешние известия. Из Китая. Проф. *В.П. Васильева*. Австрия.

Смесь.

Среди газет и журналов

Фельетон. I. Песни по поводу голода *В.П. Буренина*. II. Недельные очерки и картинки. *В. С. Р.*

Стр. 3. Хроника.

Театр и музыка.

Правительственные распоряжения.

Фельетон. Во что бы ни стало. Роман. *Н.И. Ахшарумова*.

Стр. 4. Внутренние известия: Корреспонденция из Рязани. Из Кишинева, Каменца, Одессы и проч.

Утренняя почта.

Справочный указатель.

Стр. 5 и 6. Объявления

С уверенностью можно сказать, что прежде всего Достоевский обратил внимание на объявление, размещённое в центре первой полосы сразу под газетным заголовком: «В четверг, 29 января, в 8 часов вечера, в зале Кононова ПУШКИНСКИЙ ВЕЧЕР. Билеты от 1 до 5 р., можно получать в книжном магазине “Нового времени”. Впереди имеются также 18 кресел по 10 р.». В этом вечере, как говорилось выше, Достоевский должен был принять участие, его программу обсуждал с Миллером. И хотя имени Достоевского, как и других участников вечера, в объявлении нет, оно, тем не менее прочитывалось знающим глазом.

Под этим объявлением ещё одно, совсем другого и, казалось бы, очень утилитарного свойства. Однако набрано крупным шрифтом, так что миновать невозможно: «КРЕСТИННЫЕ РУБАШКИ и ЧЕПЧИКИ». Случайная, казалось бы неактуальная для Достоевского информация. Но как не вспомнить его поразительное признание в записке к А.Н. Плещееву от 24 декабря 1880 года, месяц назад, в канун Рождества: «А теперь ещё пока только леплюсь. Всё только ещё начинается» [Достоевский, 1972–1990, т. 30₁, с. 239].

Тут же, ниже объявление о подписке на «Художественный журнал» с перечислением русских художников, участвующих в издании. В их числе В.Г. Перов, писавший портрет Достоевского в 1872 году, и Н.И. Крамской, который через несколько дней придёт в квартиру Достоевского «снимать» его портрет на смертном одре.

Ещё одно большое рекламное объявление извещает о выходе в свет последнего, двадцать пятого выпуска издания «Библия в картинах знаменитых мастеров. Ветхий Завет» и о начале новой серии «Новый завет». А в рабочем кабинете Достоевского на книжной полке тем временем лежит почитаемая как святыня книга из первого детства: «Сто четыре священные истории из Ветхого и Нового завета в пересказе для детей и юношества» «с прекрасными картинками», как говорит о ней с умилением старец Зосима в «Братьях Карамазовых» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 264]. Чем не рифма?

И рядом реклама книги «История русской церкви, период первый, Киевский (вторая половина)» профессора Московской духовной академии Е. Голубинского. Тоже из круга постоянных интересов Достоевского.

Из материалов содержательного характера, опубликованных на первой полосе, близкой к предмету размышлений Достоевского

этих дней была статья «Временно-обязанные» о постановлении курского дворянства об отказе изъявлять несогласие на выкуп земли в отношении своих бывших крестьян. Автор горячо сочувствует этому решению и видит в нём залог будущего преодоления разрыва между сословиями, столь необходимого каждому из них:

Почин курского дворянства, – пишет корреспондент, – должен найти подражателей не только потому, что это дело справедливости, но и потому, что вырос и имеет право заявлять о своём росте только тот, кто умеет отказаться от привилегий. Пора русскому дворянству сбросить с себя последние остатки крепостнической отчуждённости, в которой ещё до сих пор держат его некоторые чисто материальные привилегии, перешедшие от крепостной эпохи. Эти привилегии не сила, а слабость дворянства. Они даже мало содействуют материальному благосостоянию дворян, приучая полагать упования не на личную энергию, а на внешние обстоятельства. <...>

Ещё печальней сказываются материальные привилегии дворян на их общественном положении. Волей неволей благодаря этим привилегиям, дворянство становится в некоторый антагонизм с остальным населением, так как его привилегии неизбежно ограничивают права других классов, в особенности крестьян. Между тем, опираясь именно на крестьянство, дворяне могли бы выступить на ту дорогу, на которой никто и ничто не может отнять у них ни силы, ни знания, ни крупной исторической роли. Они могли бы стать не только «разумом» земли, как мы недавно выразились, но и с успехом руководить борьбою против элементов, враждебных земству.

В ином ключе, но также о необходимости единения дворянства, просвещённого класса, интеллигенции с народом страстно писал в первой главе нового «Дневника» Достоевский. Его мысль, безусловно, была намного масштабнее, и, суждения корреспондента «Нового времени» могли вызвать у него только скепсис, так как точкой отсчёта в них было всё же дворянство, а не народ. Достоевский призывал оказать доверие именно народу, крестьянству, послушать и услышать народ и тогда

все действительно искренние, все воистину жаждущие правды, а главное, дела, заправского дела и общей пользы, – такие все присоединятся к премудрому слову народному; все же неискренние разом

обнаружат всё свое содержание и обнаружатся сами. А если останутся и искренние, что и тогда в народ не уверуют, – то это какие-нибудь староверы и доктринёры сороковых и пятидесятих годов, старые, неисправимые дети, и они будут только смешны и безвредны. Все же, кроме них, в первый раз прочистят глаза свои и очистят пониманье своё. Действие может быть чрезвычайно важное по последствиям, ибо... ибо тут-то, в этой-то форме, может быть, и возможно начало и первый шаг духовного слияния всего интеллигентного сословия нашего, столь гордого пред народом, с народом нашим. Я про духовное лишь слияние говорю, – его только нам и надо, ибо оно страшно поможет всему, всё переродит вновь, новую идею даст [Достоевский, 1972-1990, т. 27, с. 24].

Как бы то ни было, материал для интереса Достоевского несомненный, как и публикации посвященные голоду и отклику на него, со статистическими данными и историческим экскурсом. Беды народные никогда не оставляли Достоевского равнодушным.

На первой полосе напечатана полемическая заметка «Два слова “Порядку”», начинающуюся словами: «Наша статья о контроле в местном управлении вызвала такие комментария со стороны “Порядка”, что мы просто становимся в тупик: или “серьёзные” публицисты этой газеты не читали нашей статьи, или они читали её спросонья». Далее речь идёт о грубом искажении смысла статьи «Нового времени» о контроле за органами местного управления. Автор заметки негодовал и иронизировал в связи с методами «полемики» журналистов «Порядка».

С «Порядком» предполагал полемизировать в новом «Дневнике писателя» и Достоевский. В подготовительных материалах есть записи: «Газета “Порядок”. Вот уж беспорядок-то, по крайней мере в мыслях» [Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 53]; «“Порядок”. Орган беспорядочной мысли. Там хоть молись, хоть нет – ничего не произойдёт, тем более порядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 67]. Газета «Порядок» начала выходить с 1 января 1881 года и была газетным спутником либерального журнала «Вестник Европы», с которым Достоевский находился в давней идейной оппозиции. Очевидно, первые публикации газеты (скорее всего в изложении публицистов «Нового времени») произвели на писателя негативное впечатление, а заметка от 25 января могла его в том только лишний раз утвердить.

Развернём газету. В разделе «Телеграммы» первая корреспонденция из Москвы сообщает о похоронах А.Ф. Писемского:

МОСКВА, 24-го января, суббота. Сегодня похоронили в Новодевичьем монастыре А.Ф. Писемского. На отпевании присутствовала масса интеллигентной публики, много дам, князь Долгорукий (генерал-губернатор Москвы. – П.Ф.), Островский, Юрьев, Чаев, Нефёдов, артисты Писарев и Бурлак и многие другие. Надгробные венки поднесены от студентов, от Малого театра, от драматических писателей и от театра Малкиеля. Часть пути до кладбища гроб несли студенты. На могиле говорили Юрьев и Нефёдов. Первый выразил мысль, что Писемский будил общественное сознание романом и драмой; второй – что он обратил внимание общества на народ и что потеря его особенно важна и тяжела для нашего общества, бедного силами.

Все упомянутые в телеграмме лица были участниками прошлогодних Пушкинских торжеств в Москве, свидетелями триумфа «Пушкинской речи» Достоевского. Он всех их знал лично. И, читая печальное известие, конечно, живо всех представлял. Не мог только представить, что совсем скоро газеты заполнятся репортажами с его похорон, а имя Писемского вновь появится на страницах газет рядом с его собственным в перечне тяжких утрат русской литературы.

В других новостных сообщениях известия о похоронах профессора Лешкова в Москве; об очередном заседании Палаты общин английского парламента (тема заседания: второе чтение ирландского билля об охране личности и собственности. «Палата имеет очень мирный вид. Трибуны заняты»); о возвращении в Тегеран Сипех Салар Азема, бывшего главнокомандующего персидскими войсками во время последнего курдского восстания, который «принят шахом очень радушно», сообщается также, что «правительство приняло меры против возобновления восстания курдов, во всей местности между Керманшахом и Багдадом всё ещё царит беспорядок»; «Агентство Рейтера» сообщает из Кэпкостакаля о том, что «посол от короля ашантиев потребовал выдачи бежавшего сюда туземного начальника Гамина. <...> Губернатор отказался выдать Гамина и отправил в Прахзуэ одну роту туземцев с тремя орудиями»; о предстоящих работах по урегулированию судоходства на Висле;

о волнениях в Ирландии в связи с ожидающимся роспуском земельной лиги. Эти новости вряд ли могли как-то особенно взволновать.

Совсем другого содержания были известия из Киева. Они точно не прошли мимо внимания автора «Бесов»:

КИЕВ, 23-го января, пятница, вечер. Газета «Киевлянин» сообщает сущность программы террористического «южного рабочего союза». Союз отрицает мирную революционную пропаганду, как бесцельную, и рекомендует следовать примеру Ирландии – системе угроз, тайных убийств и поджогов, которую союз называет системою фабричного и политического террора. Для привлечения рабочих и воспитания их в революционном духе, союз советует пользоваться всякими фабричными и аграрными недоразумениями и подбивать рабочих на преступления.

Вообще, программа союза изложена с цинической откровенностью.

Прокламация об убийстве полковника, заведывающего (так. – П.Ф.) арсенальными мастерскими, не указывает ни одного сколько-нибудь серьёзного злоупотребления. Полковник, просто, намечен, как жертва для поднятия смуты.

Некоторые киевские судьи и адвокаты, ведущие чиншевые дела, получили угрожающие письма от южного рабочего союза.

«Южнорусский рабочий союз» был создан в Киеве в 1880 году членами «Чёрного передела». В январе 1881 года был ликвидирован властями. Суд над руководителями террористической организации состоялся уже после смерти Достоевского, в мае 1881 года.

Достоевский, конечно, прочёл два стихотворения В.П. Буренина. Он знал автора многие годы, заметив его ещё в самом начале его литературной карьеры. По наблюдению К.А. Баршта, Буренин явился одним из прототипов образа Родиона Раскольникова [Баршт, 2019]. Не раз Достоевский и Буренин вступали в острую полемику, однако, яркий литературный талант Буренина Достоевский ценил всегда и в «Новом времени» читал все его публикации. После смерти Достоевского Буренин опубликует в «Новом времени» серию больших статей с сочувственным разбором его романов.

Стихи, опубликованные 25 января, что говорится, «на злобу дня» – о голоде. Сатирическое «Menu», в котором вздыхающий о тяготах голодающих крестьян либерал заказывает в ресторане изысканные французские блюда:

– В Самарской губернии голод...
– Да, слышал я, слышал... как жаль!...
Какого прикажете супу:
Purée à la gusse, amiral?

И далее в том же духе.

Второе стихотворение – «Сонет» – в жанре гражданской лирики. Написанное в традициях «некрасовской школы», оно выглядит неуклюжим подражанием проникнутым искренней горечью и состраданием стихам Некрасова.

Приволжских вод обильная равнина,
О, житница страны моей родной!
Хлеб твоего кормильца-селянина,
Хлеб пахаря лежит передо мной;

Я на него смотрю: нет, это – глина,
Кусок навоза, массы земляной,
Прессованное сено иль мякина –
Всё что угодно, но не хлеб ржаной!

Его однако ж, ест народ наш «серый»
Без ропота, и полон кроткой верой,
Что так ему судила власть небес;

А мы, жалея мужичка в столице,
Хлеб кушаем прекрасный из пшеницы
И прославляем наших дней прогресс!

Такое «идейное», сугубо тенденциозное искусство Достоевский не любил. Уж слишком в нём было много фальши – чего стоит только форма сонета, избранная Бурениным для своих инвектив, которая одна только превращает негодующего автора в его же персонажа из опубликованного выше стихотворения «Menu». Такая лирика могла вызвать только раздражение Достоевского. Тем более, что выставленный в стихах образ безропотного и безвольного народа шёл в разрез с той доктриной, которую исповедовал Достоевский, в том числе и на страницах только что отправленного в печать «Дневника писателя».

По соседству со стихами Буренина в рубрике «Недельные очерки и картинки» опубликован фельетон «Любопытные странички из истории голода 1868 года», в которых упоминается близкий знакомый Достоевского, в некотором роде, соратник – издатель газеты-журнала «Гражданин» князь В.П. Мещерский. По случаю, без какой-то особой необходимости, вспоминаются публиковавшиеся в газете «Северная Почта» статьи к столетнему юбилею И.А. Крылова. Но ведь только что Достоевский целиком включил в свой январский дневник басню «Свинья под дубом»! Занятный параллелизм.

Ещё более занятно, во всяком случае, для читателей (и, в большей степени, даже для исследователей) Достоевского приводимая далее цитата из Гоголя о Крылове про то, что у него даже «звери мыслят и поступают чисто по-русски и в их проделках слышны проделки и обряды производств внутри России», «даже осёл, несмотря на свою принадлежность климату других земель, явился у него русским человеком <...>». Как не вспомнить тут конфуз князя Мышкина при знакомстве с семейством Епанчиных, когда он рассказывает о том, как в Базеле услышал крик осла и вдруг пришел в полное сознание. Девицы Епанчины начинают посмеиваться над простодушным князем, мать их унимает, но добродушный рассказчик вовсе не обижен и с улыбкой всех примиряет, произнося как будто бы очередную нелепость: «А я всё-таки стою за осла: осёл добрый и полезный человек» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 49]. О возможной реминисценции из Гоголя в реплике князя Мышкина стоит подумать.

Ещё один материал полосы – известия из Китая. Рассказ о тонкостях китайских церемоний и традиций. Фактура тоже не чужая для Достоевского. Когда-то, в 1873 году, начиная вести в «Гражданине» «Дневник писателя», он как раз, не без юмора, сравнивал своё назначение на пост редактора с бракосочетанием китайского императора, о котором прочёл в «Московских ведомостях» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 5]. Пометки «Китай», «Статья о Китае» встречаются и в подготовительных материалах к январскому «Дневнику писателя» 1876 года [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 142, 144, 145]. Учитывая заявленную в новом «Дневнике» проблематику – говорить о России не только, как о Европе, но в большей мере как об Азии – можно допустить, что и статья профессора Васильева могла оказаться не только познавательной, но и актуальной для Достоевского.

Азиатский сюжет в январском «Дневнике» 1881 года вырастает из отклика на известия о победном взятии генералом М.Д. Скобелевым туркменской крепости Геок-Тепе (31 декабря 1880 (12 января 1881) и Асхабада (6 (18) января 1881). Достоевский с воодушевлением воспринял успех русских войск, убеждённый в геополитической важности продвижения России в Азию:

С победой Скобелева пронесётся гул по всей Азии, до самых отдалённых пределов её: «Вот, дескать, и ещё один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился». И пусть пронесётся гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растёт убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его. <...> У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются, – но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо, ибо оно их приучает к грядущему [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 32-33].

На страницах «Нового времени» от 25 января событиям в Туркмении уделено достаточно места. Обзор корреспонденций «Биржевых новостей» и «Голоса» о развитии ситуации в Средней Азии Достоевский бесспорно прочёл чуть ли не в первую очередь, и уж точно с искренней радостью и удовлетворением.

Вслед за известиями из Китая, в обзоре периодики, сообщается о начале публикации в парижском журнале «Le Livre» исследования Армана Баше о биографии Казановы, которое основано на документальных источниках из архивов Венеции. Приводится полный текст донесения агента тайной полиции Мануцци («имя которого встречается также и в мемуарах Казановы»). «Всё, что сказано агентом, – резюмирует автор заметки в «Новом времени», – обстоятельно подтверждается в мемуарах Казановы и таким образом это донесение доказывает правдивость рассказов этого искателя приключений, рассказов, казавшихся невероятными». А ведь именно с публикации мемуаров Казановы начиналось издание «Времени». В январском номере за 1861 год, сразу вслед за первой частью

романа «Униженные и оскорблённые» (на страницах 93-184), напечатан фрагмент «Заключение и чудесное бегство Жака Казановы из Венецианских темниц (пломб)». И вот, двадцать лет спустя, имя Казановы и его удивительная история напоминают Достоевскому о той радостной поре жизни, когда он вновь вернулся в Петербург и литературную жизнь, полный идей и замыслов, с неутолимимым желанием творить, действовать, жить и побеждать. Та публикация была вполне программной для журнала братьев Достоевских: «Это рассказ о торжестве человеческой воли над препятствиями непреборимыми», – писал тогда Достоевский в небольшой предварительной заметке, называя личность Казановы «одной из самых замечательных своего времени» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 86-87]. И как было не порадоваться тому, что вдохновлявший его рассказ Казановы – правда, подтверждаемая документами.

Просматривая газету, на третьей полосе Достоевский мог остановить своё внимание на статье Незнакомца (А.С. Суворина) «Бенефис г. Нильского. – Два слова о “Горе от ума”» в рубрике «Театр и музыка» и встретить там разбор спектакля по пьесе Гоголя «Ревизор»:

Что-то неумирающее в ней чувствуется, – писал Суворин, – современное даже за этими анахронизмами, за этими якобы уже совсем прожитыми типами. Не говоря о Хлестакове, который живёт полною жизнью и будет жить ещё долго, если не всегда, остаются интересны и черты в городничем, в Бобчинском и Добчинском, в купечестве, в почтмейстере, в смотрителях богоугодных и учебных заведений.

Вот ещё один повод вспомнить прошлое. «Ревизор» Достоевский любил. Знал практически наизусть. 2 (14) апреля 1860 года он блистательно сыграл роль почтмейстера в любительском благотворительном спектакле в Петербурге. А купцами в массовке были Тургенев, Григорович, Майков, Дружинин, Краевский, Курочкин! Как такое забыть?

С имени Хлестакова начинается «Дневник писателя» 1876 года:

...Хлестаков, по крайней мере, врал-врал у городничего, но всё же капельку боялся, что вот его возьмут, да и вытолкают из гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 5].

В той вступительной заметке Достоевский сетует на поветрие легкомыслия, охватившее русских людей:

Нынче же всякий и прежде всего уверен, входя куда-нибудь, что всё принадлежит ему одному. Если же не ему, то он даже и не сердится, а мигом решает дело; не слыхали ли вы про такие записочки: «Милый папаша, мне двадцать три года, а я ещё ничего не сделал; убеждённый, что из меня ничего не выйдет, я решил поконтчить с жизнью...» И застреливается. Но тут хоть что-нибудь да понятно: «Для чего-де и жить, как не для гордости?» А другой посмотрит, походит и застрелится молча, единственно из-за того, что у него нет денег, чтобы нанять любовницу. Это уже полное свинство [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 5].

Прошло пять лет с того времени, как были написаны эти слова, а ничего не изменилось: на той же полосе, в том же самом столбце, где поминается гоголевский бессмертный Хлестаков, всего десятью строками выше, в городской хронике происшествий читаем (вслед за Достоевским?) сообщение:

Того же числа, в 9 часу утра, проживавший на Васильев. остр., на углу Среднего просп. и Загибенина пер., в д. № 3–15, студент 1-го курса императорского СПб. Университета Николай Жильцов, 24 лет, усмотрен в своей квартире повесившимся. О причине, побудившей его к самоубийству, производится дознание.

Подвал третьей полосы занимает очередная глава романа Н.Д. Ахшарумова «Во что бы ни стало» (Часть вторая «Принцесса в поденщиках»). Автор – тоже давний знакомец Достоевского. Возможно, они встретились ещё в 1840-х годах. Николай Ахшарумов – старший брат петрашевца Дмитрия Ахшарумова, так же как и Достоевский, приговорённого к смертной казни и вместе с ним переживший Голгофу Семёновского плаца. В 1864 году Николай Ахшарумов будет автором журнала «Эпоха», в котором опубликует роман «Мудрёное дело. Очерк из летописей русской словесности». В 1867 году он одним из первых напишет критический разбор «Преступления и наказания».

Ахшарумов – автор повести «Двойник», которая появилась на страницах журнала «Отечественные записки» под псевдонимом Чер-

нов в 1850 году. Вышедший из каторги Достоевский в первом же письме к брату ревниво спрашивал у него: «Кто такой Чернов, написавший “Двойник” в 50 году?» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 174].

Ахшарумов – автор повести «Игрок» появившейся в 1858 году, за восемь лет до романа Достоевского. Правда, игрок у Ахшарумова играет не в рулетку, а в шахматы.

Сколько событий и параллелей в одном только имени!

Роман же, судя по отрывку, весьма посредственный, впрочем, на современную тему, и в этом Ахшарумов – скромный последователь Достоевского. Вряд ли Достоевский потратил на эту публикацию хотя бы несколько минут. Достоинства прозы Ахшарумова были ему хорошо известны.

Четвёртая полоса отдана известиям из русской провинции: из Рязани сообщали о денежных штрафах, введенных в одной из гимназий за провинности учеников («В совете учителя, однако, отнеслись к воспитательной мере отрицательно. Они признали эту систему взимания штрафов не только не педагогической, но и просто безнравственной»); из Кишинёва – о съезде дворян Бессарабии и о появлении в среде поселян ссудно-сберегательных товариществ («Влияние товарищества на экономический быт поселян уже тем обнаруживается, что поселяне перестают сбывать евреям за бесценок свои продукты, не входят в денежную кабалу у евреев, а в случае необходимости, занимают деньги в товариществе»); в Либаве учреждается «акционерное общество для выделки джутовых мешков в России»; по словам «Одесского вестника» горный инженер Н.Д. Давыдов нашёл на бахчисарайской казённой даче у Яйлы большое месторождение каменного угля; «Черниговским земским собранием постановлено ходатайствовать об областном съезде представителей земства и городов для обсуждения вопроса об эпизоотиях»; газета «Дон» сообщает, что «в Острогжском уезде, в селении Кушвине, в январе, в 10 часов вечера, было довольно сильное землетрясение; длилось оно около 2-х минут; повреждений в зданиях не замечено».

Здесь же – официальная хроника: о назначениях, чинах и циркулярах, о передвижении особ царской фамилии.

«Метеорологический бюллетень».

И – объявления, объявления, объявления.

Пёстрая, динамичная, разнообразная суэта жизни, вглядываясь в которую, гениальный художник прозревал глубины человеческих отношений, трагедии и анекдоты, радость и боль. Он был связан

с этой жизнью сотнями нитями – из прошлого, настоящего и будущего. Газетный лист был для него не просто набором фактов, но местом встречи – с людьми, с народами, с миром. И с самим собой – в этом мире.

Учитель, бывший студент университета, «с долголетнею практикою и отличными рекомендациями» даёт объявление об уроках «по всем предметам гимназического курса». Просит направлять письма по адресу: *Графский пер., д. 11, кв. 35*. В этом доме (да не в этой ли самой квартире?) Достоевский начинал свой путь, проводя дни и ночи над рукописью «Бедных людей». Как это было давно! Но почему это объявление появилось именно в газете, которую Достоевский будет держать в руках последней? Объявление на первой полосе, хоть и в углу, и набрано мелким шрифтом. Он мог его прочесть. «Никогда романисту не представить таких невозможностей, как те, которые действительность представляет нам каждый день тысячами, в виде самых обыкновенных вещей» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 91].

Конспективный обзор материалов выпуска «Нового времени» от 25 января 1881 года вводит в картину последних дней Достоевского ещё одну систему координат, вносит очень важное дополнение в его духовный облик предсмертного часа.

В последний день он просил жену читать ему Евангелие. Но рядом с Евангелием была и газета. Вечное и актуальное стояли у смертного одра Достоевского – в том правдивом единстве бытия, которое он так остро чувствовал и любил.

И какое неожиданное созвучие обозначилось вдруг: «Новый Завет», «Новое время».

Действительно, «всё только начинается».

И потому: «не удерживай!»

Список литературы

1. Александров, 1990 – Александров М.А. Фёдор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 251-324.
2. Баршт, 2019 – Баршт К.А. Достоевский: этимология повествования. СПб.: Нестор-История, 2019. 456 с.
3. Викторovich , 2013 – Викторovich В.А. Между «Бесами» и «Подростком»: журнализм как творчество // Достоевский и журнализм. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 129-142.

4. Достоевская, 1987 – Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. 544 с.
5. Достоевская, 1993 – *Достоевская А.Г. Записная книжка 1881 года // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников*. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 275 - 284.
6. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Захаров, 2013 – *Захаров В.Н.* Кодекс Достоевского. Журнализм как творческая идея писателя // *Достоевский и журнализм*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 17-26.
8. Страхов, 1990 – *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Фёдоре Михайловиче Достоевском // *Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 375-532.*

References

1. Aleksandrov, M.A. "Fedor Mihailovich Dostoevskij v vospominanih tipografskogo naborshchika v 1872–1881 godah" ["Fyodor Mikhailovich Dostoevsky in the Memoirs of a Typesetter in 1872–1881"] *F.M. Dostoevskij v vospominanih sovremennikov [Fyodor Dostoevsky in the Memoirs of his Contemporaries]*. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaja literatura Publ., 1990, pp. 251-324. (In Russ.)
2. Barsht, K.A. *Dostoevskij: etimologia povestvovanija [Dostoevsky: Etymology of Narration]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ, 2019. 456 p. (In Russ.)
3. Viktorovich, V.A. "Mezhdru 'Besami' i 'Podrostkom': zhurnalizm kak tvorcestvo" ["Between *The Devils* and *The Adolescent*: Journalism as Creativity"]. *Dostoevskij i zhurnalizm. Sbornik Stat'ei [Dostoevsky and Journalism. Collected Articles]*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2013, pp. 129-142. (In Russ.)
4. Dostoevskaya, A.G. *Vospominania [Memoirs]*. Moscow, Pravda publ., 1987. 544 p. (In Russ.)
5. Dostoevskaya, A.G. "Zapisnaja knizhka 1881 goda" ["Notebook of the Year 1881"] *F.M. Dostoevskij v zabytyh i neizvestnyh vospominanih sovremennikov [Fyodor Dostoevsky in Forgotten and Unknown Memoirs of His Contemporaries]*. St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1993, pp. 275-284. (In Russ.)
6. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti tomakh [Complete Works: in 30 vols.]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
7. Zakharov, V.N. "Kodeks Dostoevskogo: zhurnalizm kak tvorcheskaja ideja pisatel'a" ["Dostoevsky's Code. Journalism as a Writer's Creative Idea"] *Dostoevskij i zhurnalizm. Sbornik Stat'ei [Dostoevsky and Journalism. Collected Articles]*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2013, pp. 17-26. (In Russ.)
8. Strakhov, N.N. "Vospominania o Fedore Michailiviche Dostoevskom" ["Memoirs About Fyodor Mikhailovich Dostoevsky"] *F. M. Dostoevskij v vospominanih sovremennikov [Fyodor Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]*. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaja literatura Publ., 1990, pp. 375-532. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.07.2020; одобрена после рецензирования 08.08.2020; принята к публикации 03.09.2020. Дата публикации: 25.12.2020.
The article was submitted 30.07.2020; approved after reviewing 08.08.2020; accepted for publication 03.09.2020. Date of publication: 25.12.2020.